

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕРРИТОРИЙ

DOI: 10.15838/ptd.2022.2.118.6

УДК 316.342.6 | ББК 60.54

© Воробьева И.Н.

СОЦИАЛЬНОЕ УЧАСТИЕ: НОВЫЕ РАКУРСЫ ИЗМЕРЕНИЯ

ИРИНА НИКОЛАЕВНА ВОРОБЬЕВА

Череповецкий государственный университет

Череповец, Российская Федерация

e-mail: vorobyova-i-n@yandex.ru

ORCID: [0000-0001-5970-051X](https://orcid.org/0000-0001-5970-051X); ResearcherID: [AAX-4496-2021](https://orcid.org/AAX-4496-2021)

Актуальность тематики исследования определяется значимостью изучения уровня социального участия и измерения количества наиболее активных слоев населения, которые являются важным деятельностным ресурсом развития территории. В статье концептуализируется категория «агенты социальных изменений». Основная цель исследования заключается в практическом выделении данной социальной группы среди всего населения города Череповца, промышленного центра Вологодской области, который имеет статус территории опережающего социально-экономического развития, стремится к диверсификации экономики и испытывает острую потребность в представителях этой группы. Сделан акцент на практиках социального участия как одной из основополагающих характеристик агентов социальных изменений, рассмотрены подходы к осмыслению и измерению данной категории зарубежными и отечественными авторами, выделению социального участия среди остальных видов участия. Названы внутренние и внешние факторы влияния на социальное участие населения. В статье резюмируются результаты изучения уровня и форм социального участия по данным Европейского социального исследования и российских исследований. Новизну работы формирует применение модели стратификации общества по критериям установок и уровню развития практик социального участия, выделение характеристик социального портрета агентов социальных изменений. В эмпирической части статьи автор приводит результаты практического измерения практик социального участия населения Череповца. Эмпирической базой исследования стал опрос жителей города Череповца старше 18 лет. Опрошено 600 человек. Репрезентативность выборки обеспечивалась квотированием по половозрастным признакам в соответствии с существующей структурой города. Выявлен низкий уровень формального участия населения в общественных организациях при достаточно развитых практиках неформального участия и широко применяемых формах

Для цитирования: Воробьева И.Н. (2022). Социальное участие: новые ракурсы измерения // Проблемы развития территории. Т. 26. № 2. С. 73–92. DOI: 10.15838/ptd.2022.2.118.6

For citation: Vorob'eva I.N. (2022). Social participation: New aspects of measurement. *Problems of Territory's Development*, 26 (2), 73–92. DOI: 10.15838/ptd.2022.2.118.6

неформальной безвозмездной помощи по разным направлениям. Приводится социальный портрет агентов социальных изменений по основным социально-демографическим характеристикам.

Социальное участие, агенты социальных изменений, неформальное участие, помогающее поведение, территория опережающего социально-экономического развития.

Постановка проблемы

Важным фактором устойчивого развития региона является его деятельностный социальный ресурс, который может измеряться или через уровень социального участия населения, или через количество наиболее активных слоев населения (ядро перемен). Их мы условно обозначили как агентов социальных изменений. Под данной категорией мы понимаем социальную группу, готовую принимать участие и принимающую участие в практиках по преобразованию окружающей социальной реальности в позитивном русле. Это люди, с одной стороны, обладающие определенными ценностными ориентирами и установками, активной мотивацией к социальному участию, с другой стороны, уже имеющие практики участия во множестве его проявлений. Данная группа может стать социальной базой преобразований, их проводниками и агентами. Так как проблема развития города, региона зачастую заключается в инертности населения, сопротивлении любым нововведениям, актуальным представляется не только выделение ядра агентов социальных изменений, измерение его количества на конкретной территории, но и сегментация населения на основании принципа склонности к социально-экономической активности, а также выявление наиболее инертных слоев населения.

Исследователи, занимающиеся изучением социального участия, сталкиваются с методологической путаницей, разницей в теоретических подходах и эмпирических индикаторах его измерения и в зарубежной, и, особенно, в российской практике, что затрудняет, в том числе, выделение наиболее активного ядра населения. Этот аспект является целью нашей статьи, а именно рассмотрение категории социального участия и его видов, выявление факторов влияния на его уровень, а также применение авторской индикаторной модели измерения уровня

активности населения, выделение агентов социальных изменений, выявление их характеристик на примере конкретной территории – города Череповца.

Теоретические основы исследования

В работах зарубежных авторов категория «участие» получила распространение как факт участия в формальных организациях (Putnam, 1995). Как и в отечественной литературе, наиболее широко исследовано политическое и гражданское участие (Fagence, 1977; Verba et al., 1978; Morales, 2008; Schlozman, 2002). Спецификой зарубежных практик изучения является анализ уровня гражданского участия как индикатора развития демократии (Rosenstone et al., 1993).

И.А. Скалабан и Л.И. Никовская констатируют факт опережения самих практик участия в условиях современной российской действительности над их научным осмыслением, как результат, возникает терминологическая путаница, хаотичность использования понятий (Никовская, Скалабан, 2017). Анализ литературы показал, что действительно зачастую категории гражданского, общественного и социального участия выступают как синонимические. Более того, многие авторы, пытаясь разделить виды участия, разными терминами называют одни и те же его формы. В современных отечественных работах приводится множество аргументов и способов разделения разных форм участия (Богданов, Мерзляков, 2018; Мерзляков, 2014; Зерчанинова и др., 2021).

Мы согласны с мнением И.А. Скалабан, которая обращает внимание на то, что «чем более организованный и институционально оформленный характер носит та или иная форма участия, чем сильнее в него вовлечены формализованные субъекты, тем меньше разночтений в интерпретации» (Скалабан, 2011). Ю.В. Уханова просматривает в участии общий критерий – значимый общественный

результат (Уханова, 2021). Но проблема заключается в том, что именно формальные практики наименее распространены среди населения.

Наиболее однозначно трактуется политическое участие. Например, М.Р. Холмская в качестве форм политического участия выделяет: «голосование, участие в политических кампаниях, личные контакты с политиками, участие в местной политической жизни (в рамках деятельности локальных сообществ), участие в демонстрациях, митингах, пикетах и т. п., внесение денежных взносов, написание писем, петиций, вступление в личные контакты с политиками и должностными лицами, членство в различных организациях, выдвижение гражданских инициатив на местном уровне» (Холмская, 1999, с. 173).

Что касается выделения именно социального участия, мы больше склоняемся к определению социального участия, предложенному И.А. Скалабан: «Коллективная деятельность людей, горизонтальная активность, осуществляемая ими в рамках повседневной жизни и направленная на удовлетворение общественного интереса» (Скалабан, 2011, с. 137). Тогда как А.А. Мерзляков и В.С. Богданов дают следующее определение: социальное участие – это «управляемый процесс социальной коммуникации с целью организации совместной деятельности граждан и групп населения с органами власти и управления» (Богданов, Мерзляков, 2018, с. 67). Такой подход заметно противоречит взглядам И.А. Скалабан, т. к. она данный вид участия называет общественным, то есть направленным на вовлечение в диалог с властью. На наш взгляд, обе эти категории относятся к социальному участию. Главное их отличие состоит в том, что такое участие направлено на решение социальных проблем, вопрос лишь в разделении его форм. В данном случае нам импонирует подход Ю.В. Ухановой. Она приходит к выводу, что большинство ученых согласны с тем, что следует выделять две формы гражданского участия – политическую вовлеченность и социальную (общественную) деятельность (Уханова, 2021). Последняя форма включает

в себя все виды деятельности, прежде всего направленные на помощь другим вне семьи, общее благо или решение проблемы сообщества: просоциальное (помогающее) поведение, пожертвование денег или поддержка в натуральной форме, волонтерство, участие в работе неправительственных организаций.

В рамках Европейского социального исследования, по методике которого с 2014 года проводится исследование и в России, участие разделяется на следующие виды: традиционное политическое участие и протестное политическое поведение; формальное участие в деятельности общественных объединений; неформальное общественное участие (по направлениям: бизнес, потребительские, культурные, экологические, гуманитарные, политические, религиозные, научные, социальные, спортивные, профсоюз); неформальная помощь. Разграничиваются понятия неформальной помощи (неформального помогающего поведения) и участия в деятельности благотворительных организаций, которое заключается в том, что помогающее поведение может быть личным, а не актуализированным той или иной организацией. Наиболее детально результаты Европейского социального исследования представлены в работе Н. Кеннета и Г. Хейко (Kenneth, Heiko, 2008). Такое разделение соответствует и определению, данному И.А. Скалабан: «Социальное участие может осуществляться через формальные или неформальные практики. К первым относится ассоциативная деятельность: участие в деятельности общественных, религиозных объединений, клубов, профсоюзов, органов общественной самодеятельности и пр., организованная добровольческая деятельность. Ко вторым, неформальным практикам – коллективная деятельность людей, направленная на совместное решение проблем, поддержание традиций, помощь соседям, взаимная поддержка» (Скалабан, 2011, с. 137).

Важный вопрос заключается в том, как формировать активное участие граждан в изменении окружающей социальной среды и какие факторы на это влияют. Факторы

можно разделить на внутренние и внешние. Внутренними факторами социального участия являются мотивация к участию, установки, ориентиры, которые движут населением. Среди важных установок наиболее активных, с точки зрения деятельности, слоев населения можно выделить следующие: внутренний локус ответственности (Гужавина, 2018; Воробьева, Мехова, 2020), высокий уровень креативности и новаторства (Волков, 2013; Пилясов, Колесникова, 2008; Трубицын, 2019), высокий уровень солидарности (Гужавина, 2018). Среди компетенций и навыков наиболее важным фактором выступает высокий уровень цифровой грамотности (Dezuanni, Foth, 2019; Соколов, Барский, 2021). Зачастую социальные сети, доступ к информации их участников способствуют участию знакомых, т. е. становятся источником формирования социального участия (Bartal et al., 2019).

Внешним фактором участия является активное стимулирование извне, активность существующих организаций, органов власти на общероссийском и региональном, локальном уровне, а также в целом факторы макросреды, социальные, экономические, культурные характеристики территории проживания. Так, А.А. Мерзляков и В.С. Богданов утверждают, что социокультурная среда формирует особенности взаимоотношений и взаимодействий между населением и властью, поэтому необходима ее диагностика перед тем, как разрабатывать технологии вовлечения общественности в управленческую практику. Особенно это важно для России, где каждый регион имеет свои традиции, устои, общественные представления, которые зависят от истории, актуального состояния и перспектив развития (Богданов, Мерзляков, 2018).

Влияние факторов социокультурной среды, специфики социально-экономических условий доказывается и в работе Н. Кеннета и Г. Хейко по результатам межстранового сравнения разных форм участия в рамках Европейского социального исследования (Kenneth, Heiko, 2008). Исследователи противопоставляют практические результаты из-

мерения теории А. Вульфа (Wolfe, 1989), который утверждал, что активное поведение сдерживается государством всеобщего благосостояния, вытесняющим естественные формы солидарности, подрывающим как близкие, так и далекие социальные связи. Он предполагал, что в передовых обществах может быть мало неформальных организаций помогающего поведения по сравнению с менее развитыми государствами, которые в меньшей мере могут полагаться на помощь государства. На самом деле Европейское социальное исследование доказало: как формальные, так и неформальные виды социального участия наиболее развиты в более развитых странах (например, количество участников формальных организаций в Норвегии составляет 27%, Австрии – 25%, Швейцарии – 22%, тогда как в Греции – 4%, Польше – 3%). Более того, авторы доказывают, что все виды участия, кроме протестного политического, коррелируют друг с другом, а не вытесняют один другой. Теоретическое осмысление данного факта есть и в современных теориях: чем богаче общество, тем выше уровень его участия в определенных видах деятельности (Van Deth, Elff, 2004).

Не только страна, но и город, с его спецификой, культурой, особенностями социальной и экономической жизни, зачастую является единицей измерения социального участия. Этот аспект получил развитие в урбанистике. В работе В.А. Куприяновой город рассматривается как специфическая общность, а все участвующие в его жизни горожане дифференцируются на субъекты социального участия в обустройстве своей среды обитания (Куприянова, 2016). Новые реалии современных городов дают возможности для возникновения новых форм социального участия. С.С. Касаткина отмечает, что формируется институция активного гражданского сознания в качестве элемента культуры современного города. Как результат, развивается волонтерское движение в городах, создаются городские общественные объединения, НКО, товарищества и другие организации по эффективному изменению городской жизни; формируется

городское социальное предпринимательство (Касаткина, 2020). Это предоставляет много возможностей для преломления потребности к соучаствующему управлению, решению социальных проблем, как ближайшего окружения, так и общегородских. Однако возникает вопрос, насколько граждане готовы воспользоваться возможностью и включиться в повседневные социальные практики.

Важным внешним фактором (фактором макросреды), который в последнее время существенно повлиял на уровень и формы социального участия, стала затянувшаяся пандемия COVID-19. Вполне закономерно, что уровень активности населения снизился. Это связано как со страхом заразиться, так и с ограничительными мерами. Тем не менее авторы обращают внимание на то, что социальное участие может стать «лекарством» от повышенной тревожности, выступающей следствием пандемии. Социальная интеграция и участие повышают социальное и психологическое состояние, чувство принадлежности (Yang et al., 2021; Bekalu et al., 2021). При этом если в России социальное участие чаще всего рассматривается в аспекте специфики изучения молодежи как наиболее перспективной группы, ее мотивации и уровня участия (Мартынова и др., 2019; Шуклина, Певная, 2020; Зерчанинова и др., 2021), то за рубежом наиболее активно развивается направление исследования участия пожилых людей (Chanda, Mishra, 2019). Важным аспектом является влияние социального участия на здоровье и психические процессы, предотвращение когнитивных изменений пожилых людей (Levasseur et al., 2020; Vogelsang, 2016).

Также необходимо обратить внимание на эффект, который дают городу, региону агенты социальных изменений, люди, обладающие комплексом необходимых установок к активности или спектром практик социального участия. Так как категория является авторской, проведем аналогию со смежной категорией креативного класса. Ю.Г. Волков делает акцент на возможности включения социальной энергии данной группы для социального развития террито-

рии: «Государство не может быть субъектом социальных изменений без опоры в обществе, без класса, разделяющего ответственность за проблемы страны, города, региона» (Волков, 2014, с. 12). Рассматриваемая группа выступает драйвером перемен не только за счет собственной социальной активности, но и за счет взаимодействия с другими слоями населения, мобилизуя наименее активные группы.

Как отмечает Ю.А. Дроздова, «имидж территории определяют его социальные ресурсы, развитие региона зависит от включенности населения в процессы модернизации и социального развития» (Дроздова, 2019, с. 83). При этом важной проблемой любой территории является удержание и закрепление наиболее активных слоев населения (Масленникова, Лапаев, 2012).

Возникает вопрос, насколько активным можно считать социальное участие граждан. Мнения исследователей относительно этого аспекта значимо расходятся. Одни говорят об очень низком уровне социальной активности в плане участия, другие ищут наиболее развитые практики активности и объясняют причины (Яницкий, 2015; Никовская, 2017; Петухов, 2014; Петухов, Петухов, 2021). Мы придерживаемся второго подхода. В целом уровень социальной активности населения действительно достаточно низкий, но если рассмотреть разные его формы, увидим, что все они развиваются с очень разной скоростью и среди них есть те, которые очень развиты среди населения России. Наиболее низкой формой является политическое участие, что обосновывается в работах И.А. Скалабан, Л.И. Никовской (Никовская, Скалабан, 2017), Р. Инглхарта и К. Вельцеля (Инглхарт, Вельцель, 2011). Тем не менее говорить о низком уровне участия граждан только по практикам политического участия было бы неверно. В.В. Петухов и Р.В. Петухов подтверждают, что включенность граждан в политическую жизнь действительно очень низка, тогда как в последнее время заметны тенденции увеличения количества практик участия граждан в жизни локальных сообществ. Уровень заинтере-

ресованности населения в любом регионе и на любом уровне делами в своем локальном сообществе достаточно велик, проблемы местного уровня являются значимым интегративным и коммуникационным фактором (Петухов, 2014; Петухов, Петухов, 2021). Подобные закономерности подтверждаются и Европейским социальным исследованием. В среднем по изучаемым европейским странам 14% населения состоит в формальных организациях, 91% включен в неформальное общественное участие, неформальную помощь другим оказывают 59% (Kenneth, Heiko, 2008).

По мнению В.В. Петухова и Р.В. Петухова, в России уже сформировалось ядро участвующих, а также есть достаточно широкий слой граждан, которые могут выступать мобилизационным ресурсом участия и готовы в перспективе при благоприятных условиях стать активными участниками общественно-политических движений и процессов (Петухов, Петухов, 2021, с. 13). Приводится социальный портрет типичного представителя активного типа: «Россиянин в возрасте до 30 лет, имеющий высшее образование и проживающий в крупном областном или краевом центре, относящий себя к средним слоям общества и достаточно часто (не менее раза в неделю) использующий социальные сети» (Петухов, 2014, с. 12). Социальная база неполитического гражданского активизма составляет 34% населения, в т. ч. 17% участвуют в деятельности одной организации, 9% – двух, 8% – трех и более организаций. Участие чаще всего связано с повседневной жизнью населения. Существенный потенциал участия заложен в деятельности местных сообществ, особенно в сфере благоустройства, включая публичные слушания или сбор подписей относительно местных нововведений, например строительства нового социального объекта. По результатам опроса Вологодского научного центра РАН, проведенного в 2019 году, только 15% населения в городской и 12% в сельской местности принимают участие в деятельности общественных организаций в Вологодской области (Артамонова, Уханова, 2021).

Методы исследования

Эмпирической базой исследования послужили данные опроса, проведенного в марте 2020 года среди населения города Череповца Вологодской области. Репрезентативность выборки обеспечивалась квотированием по половозрастным признакам в соответствии с существующей структурой населения города старше 18 лет. Объем выборки – 600 человек. Опрос осуществлялся согласно формализованной анкете по месту жительства респондентов. Техническая обработка информации произведена в программе SPSS, версия 22 (статистический пакет для социальных наук).

Для работы с массовыми социологическими данными использовались приемы построения и анализ линейных (одномерных) и парных (двумерных) частотных распределений и таблиц, индексный метод.

Агенты социальных изменений выделялись в соответствии с индикаторной моделью выявления агентов перемен на основании отечественных и зарубежных теоретических разработок. Основу модели составляют два блока – социальных установок и поведенческих практик.

Блок установок предназначен для измерения уровня ответственности (вопрос «Чувствуете ли Вы ответственность за происходящее...» по пяти составляющим: в стране, городе, области, в доме, на работе), готовности объединяться (вопросы «Есть люди, которые готовы объединяться для совместных действий по решению общих проблем, а есть те, которые не готовы объединяться с другими людьми. К каким Вы бы отнесли себя?» и «Готовы ли Вы объединяться с другими людьми, чтобы ...» по семи составляющим: «участвовать в управлении домом, подъездом», «обустраивать территорию», «помогать бедным», «бороться с преступностью», «протестовать против неправильных действий властей», «защищать свои права», «провести досуг»), склонности к новаторству, творчеству (согласие или несогласие с такими суждениями, как «для меня характерно выдвигать большое количество идей», «мне часто удается проявить находчивость, пред-

примчивость в работе и жизни», «я предпочитаю быть лидером, проявлять инициативу, чем быть подчиненным»).

Поведение характеризуется по вопросам выявления практик повседневной деятельности (включая большой спектр инновационных потребительских и цифровых практик, например, «заказывать билеты через интернет», «пользоваться онлайн-банком»), практик активной инициативной деятельности на работе (например, «вносить рацпредложения», «участвовать в отраслевых конференциях») и практик социального участия. Социальное участие измеряется в соответствии с моделью Европейского социального исследования: формальное участие («Входите ли Вы в состав каких-либо официальных общественных организаций? / Участвовали ли Вы в каких-то мероприятиях или акциях, проводимых этими организациями?»), неформальное общественное участие («Скажите, пожалуйста, в каких из перечисленных общественных дел Вы добровольно и бесплатно участвовали за последние год-два?», приводится детальный перечень мероприятий: общественные работы по месту жительства, уход за животными в приютах, участие в поисковых группах и т. п.), неформальная помощь («Что из перечисленного Вам приходилось безвозмездно делать для других людей за последний год?», перечень включает материальную безвозмездную помощь, информационную, консультационную, соседскую).

По каждой составляющей блока установок считается средний индекс: индекс ответственности, готовности объединяться, склонности к новаторству. Индекс установок рассчитывается как среднее трех входящих индексов. Таким же образом рассчитывается индекс блока поведения. Индивидуальный индекс респондента представляет собой среднюю величину между индексом установок и индексом поведения, в соответствии с весами ответов на вопросы он может варьироваться в интервале от 1 до 5. Все респонденты на основании индивидуального индекса разбиваются на пять групп, каждой из которых мы дали условное обозначение.

В первую группу вошли опрошенные, имеющие самый низкий индекс в интервале от 1 до 2, их мы условно обозначили «инертные». Вторая группа (индекс от 2 до 2,66) – «сопротивляющиеся социальным изменениям», третья (от 2,66 до 3,33) – «традиционалисты», четвертая (от 3,33 до 4) – «активисты», это периферия ядра социальных изменений, пятая группа (от 4 до 5) – «агенты социальных изменений».

Результаты исследования

Рассмотрим социальную активность и выраженность социального участия на примере города Череповца. Череповец является крупным промышленным центром Вологодской области. В нем сосредоточены основные производственные активы двух крупнейших компаний «Северсталь» и «ФосАгро», но важным направлением социально-экономической политики города является стратегия диверсификации экономики и создания широких возможностей для самореализации жителей. Череповцу присвоен статус территории опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР), предусмотренный для моногородов и предполагающий особый налоговый режим для предприятий-резидентов с целью их привлечения на данные территории. Но для изменения профиля города необходимо и активное население, готовое не только позитивно относиться к переменам, но и менять город к лучшему. Именно поэтому выделение агентов социальных изменений, их количественное и качественное измерение, а также стратификация населения в целом по критерию активности, заложенному в нашей индикаторной модели, является практической значимой задачей для принятия управленческих решений на уровне города.

Политика властей направлена на расширение практик социальной активности граждан, соучаствующего управления. В качестве примера отметим активное вовлечение населения в благоустройство городской среды. В Череповце с 2017 года реализуется муниципальная программа «Формирование современной городской среды муниципаль-

ного образования город Череповец», разработанная в рамках национального проекта «Жилье и городская среда». Цель программы – не только сделать город более комфортным для жителей, но и вовлечь горожан в этот процесс. При выборе территории для благоустройства учитывается общественное мнение и решение созданной общественной комиссии. С 2014 года реализуется проект «Народный бюджет – ТОС», который позволяет гражданам участвовать в распределении средств городского бюджета на благоустройство территорий. Некоторые проекты в Череповце иницируются непосредственно властями, мэрией города. Также есть проекты, инициированные коллективами, получившими грантовую поддержку, например «Верещагинский квартал» и «Соляной сад», победившие во Всероссийском конкурсе лучших проектов создания комфортной городской среды малых городов и исторических поселений.

В соответствии с разработанной индикаторной моделью по результатам опроса выявлено, что в Череповце только 2,3% агентов социальных изменений, активистов – 16,8%, традиционалистов – 38,9%, сопротивляющихся социальным изменениям – 32,4%, инертных граждан – 9,5%.

В Череповце 95% населения старше 18 лет формально не состоит ни в одной из общественных организаций. Организации, в которые входят жители, в первую очередь связаны с непосредственной повседневной жизнью горожан: родительские организации в образовательных учреждениях детей (5%), профсоюзы (5%). Уровень участия населения без членства выше, но незначительно: 95% не принимали участия в деятельности ни одной организации, 7% участвовали в деятельности родительских сообществ, 5% – профсоюзов (табл. 1). Население достаточно легко включается в практики разного рода организаций, которые ведут деятельность в интернете (4%). В последнее время получили развитие практики участия в деятельности организаций, занимающихся территориальным благоустройством (ТОС и т. п.), но формально в них входит только 3% насе-

ления. 3% жителей включены в организации досугово-развлекательной направленности, 1% – физкультуры и здорового образа жизни. Отмечен низкий уровень включенности в деятельность общественно-политических организаций – только 1% населения, что подтверждает общероссийские тенденции.

В соответствии с нашей моделью выявлен уровень развития практик среди разных групп населения с точки зрения установок и социально-экономической активности. Только 14% агентов социальных изменений не входят ни в какую общественную организацию (напомним, что среди всего населения 95%), среди представителей периферии агентов социальных изменений – уже 41%. Так как группа агентов социальных изменений очень малочисленная (2,3%), в целях репрезентативности мы объединили ее с группой периферии агентов социальных изменений. Общая доля объединенной группы составила 19,3%.

Группа агентов социальных изменений в плане социального участия демонстрирует аналогичные тенденции: на первом месте – включенность в деятельность родительских сообществ (в них состоит 20% представителей общей группы ядра и периферии агентов социальных изменений), примерно одинаковы доли входящих в сообщества, которые встречаются только в интернете (14%), профсоюзы (13%), творческие сообщества (13%), организации молодежные и досугово-развлекательной направленности (12%), физкультуры и здорового образа жизни (10%; см. табл. 1). Обратим внимание, что вовлеченность в домовое управление среди агентов социальных изменений выше, чем в целом среди населения (7%), тем не менее на фоне общей активности она ниже по сравнению с остальными практиками. Получается, формальное участие в группах домового самоуправления не является значимой характеристикой социально-активных групп жителей города. Но заметно выше доля участия в благотворительных (7%) и профессиональных предпринимательских (5%) организациях. Отметим, что уровень политического участия среди агентов тоже достаточно низ-

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос «Входите ли Вы в состав каких-либо официальных общественных организаций?», в зависимости от групп активности населения, %

Организации	Инертные	Сопротив- ляющиеся	Традицио- налисты	Агенты социальных изменений	Общий
Родительские (в школе, детском саду и т. п.)	0	1	4	20	5
Профсоюзы	0	3	5	13	5
Группы, ведущие деятельность только через интернет	0	1	4	14	4
Творческие	0	0	3	13	3
Общественные организации в сфере территориального, домового самоуправления или ЖКХ	0	2	3	7	3
Молодежные, студенческие	0	0	1	13	3
Досугово-развлекательной направленности	0	1	1	12	3
Физкультуры и здорового образа жизни	0	0	2	10	3
Благотворительные	0	0	2	7	2
Ветеранские	0	2	3	0	2
Профессиональные, предпринимательские	0	0	2	5	2
Команда Череповца	2	0	2	3	2
Экологические	0	0	1	4	1
Религиозной направленности	0	1	0	3	1
Общественно-политические объединения, политические партии	0	0	0	3	1
Историко-культурной направленности	0	0	0	3	1
Правозащитной направленности и защиты прав потребителей	0	0	0	3	1
Другая группа, клуб или организация	0	1	0	10	2
Нигде не состою / ни в чем не участвую	98	91	77	40	76
Источник: здесь и далее результаты опроса жителей города Череповца, март 2020 года.					

кий: только 3% состоят в соответствующих организациях, 4,5% – принимали участие.

На первом месте среди практик неформального участия находятся общественные работы по месту жительства – благоустройство и т. п. В них принимали участие в последнее время 29% череповчан (табл. 2), 50% представителей группы ядра и периферии агентов социальных изменений и только 7% инертных. На втором месте – благотворительные акции (22% среди всего населения, 39% среди агентов). На третьем месте – разного рода массовые мероприятия (18 и 41% соответственно).

Однако наиболее выраженным видом участия являются разнообразные формы активной индивидуальной и групповой помощи другим вне социальных и благотворительных объединений. Вполне естественно, что среди всех форм на первом месте находится морально-психологическая помощь: каждый второй череповчанин помогал советом, поддерживал морально, среди агентов перемен таких 80% (табл. 3). Помогали безвозмездно в домашних делах 42% населения и 62% агентов социальных изменений. Опять же прослеживается благотворительная направленность деятельности

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос «Скажите, пожалуйста, в каких из перечисленных общественных дел Вы добровольно и бесплатно участвовали за последние год-два?», в зависимости от групп активности населения, %

Мероприятия	Инертные	Сопротивляющиеся	Традиционалисты	Агенты социальных изменений	Общий
Общественные работы по месту жительства (субботники, мероприятия по благоустройству)	7	18	33	50	29
Благотворительные акции	2	15	26	39	23
Массовые мероприятия (городские праздники и т. п.)	2	6	20	41	18
Подписывал обращения, петиции в защиту общественных интересов	4	4	9	24	9
Публичные дискуссии, конференции, семинары, в том числе в интернете	0	2	4	32	8
Уход за животными в приютах	0	2	6	10	5
Общественные слушания	2	1	3	14	4
Донорство крови	0	3	1	10	3
Наблюдение за порядком (народные дружины и т. д.)	0	1	3	6	3
Публичные акции по поводу важных неполитических проблем	0	0	0	4	1
Поиск людей, работа поисковых групп на полях сражений	0	0	1	2	1
Ликвидация последствий стихийных бедствий	0	0	0	2	1
Ничего из перечисленного	88	63	35	16	45

агентов социальных изменений: 72% помогли деньгами (40% среди всего населения), 54% – вещами и продуктами (32% среди всего населения). Зафиксирован существенный разрыв относительно помощи в поисках работы – 32% агентов и 18% среди всего населения. Достаточно широко распространены социальные практики участия: 31% агентов социальных изменений присматривали за чужими детьми (17% среди всего населения), 18% помогали в уходе за престарелыми (9% среди всего населения).

Рассмотрим социальный портрет агента социальных изменений в Череповце и характеристики наиболее и наименее активных слоев населения. Для этого нами проведен анализ по основным социально-демографическим характеристикам.

Среди агентов социальных изменений присутствуют представители практически всех возрастных групп населения, однако

только 3% горожан в возрасте от 65 лет и старше (среди всего населения их 13%; *рис. 1*). Несущественно больше доля людей в возрасте 18–24 лет – 17% (в структуре 14%), однако явно выражена группа 25–34 лет – 37% (26% среди всего населения); 35–44 лет – 22%; 45–54 лет – 17% (практически как среди всего населения), всего 6% – в возрасте 55–64 лет.

Половину группы агентов социальных изменений составляют люди с высшим образованием (49%), среди всего населения высшее образование у 32%. Тем самым подтверждается влияние уровня образования на активность (*рис. 2*). Тем не менее в числе активистов есть люди и со средним специальным образованием (16%), и со средним профессиональным (10%), но уже значительно меньше, чем среди всего населения. На диаграмме заметно, как уровень образования постепенно повышается по группам активности населения (от самых

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос «Что из перечисленного вам приходилось безвозмездно делать для других людей за последний год?», в зависимости от групп активности населения, %

Вариант ответа	Инертные	Сопротив- ляющиеся	Традицио- налисты	Агенты социальных изменений	Общий
Помогать советом, поддерживать морально, психологически	12	32	59	80	50
Помогать в домашних делах	19	28	47	62	42
Помогать деньгами	9	23	46	72	40
Помогать вещами, продуктами	2	25	36	54	32
Помогать транспортом	0	9	29	30	20
Помогать в поисках работы	2	9	22	32	18
Присматривать за чужими детьми	5	12	17	31	17
Вызывать врача	11	9	19	25	16
Доставлять на дом продукты, одежду, медикаменты	0	5	11	22	10
Помогать в уходе за престарелыми/больными	0	3	11	18	9
Давать профессиональные консультации, читать лекции, давать уроки	0	2	8	24	8
Помогать в решении вопросов с официальными учреждениями	0	1	3	10	3
Быть донором	0	2	1	10	3
Оказывать юридическую помощь	0	1	2	4	2
Раздавать/распределять материальную помощь	0	1	1	5	2
Ничего из перечисленного делать не приходилось	67	27	10	2	19

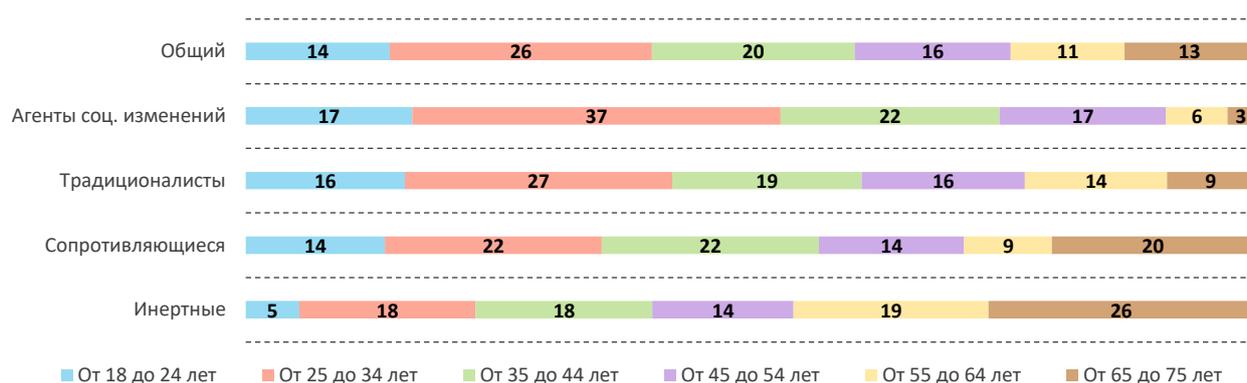

Рис. 1. Распределение по возрасту представителей разных по активности групп населения, %

инертных слоев до агентов социальных изменений).

Вполне закономерно, что среди агентов социальных изменений более явно выражена группа специалистов – 29% (среди всего

населения 21%, среди инертных только 9%), остальные группы по численности статистически не отличаются от выборки в целом, меньше только пенсионеров – 8%, тогда как среди группы инертных – 39% (табл. 4).

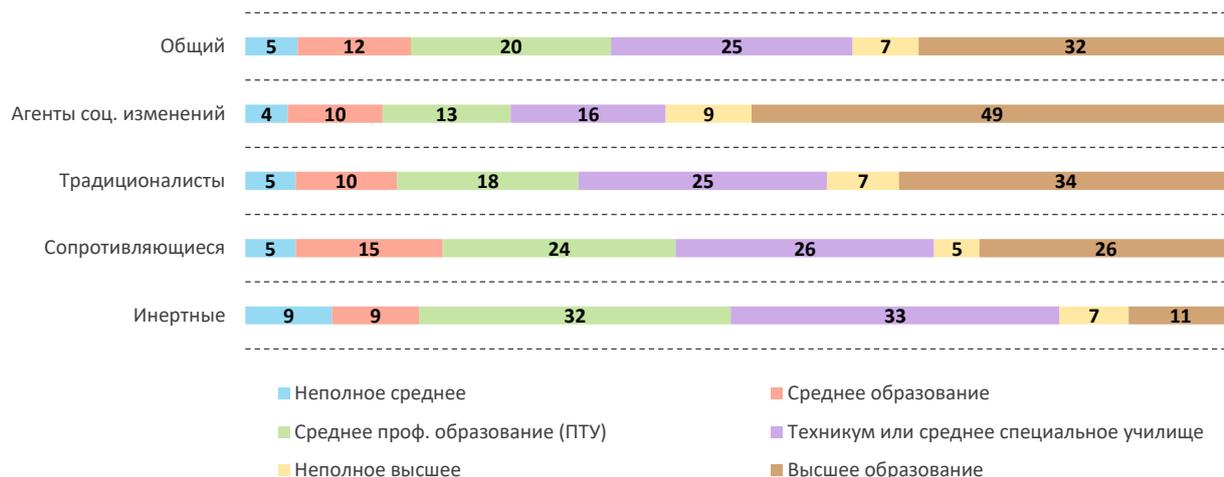

Рис. 2. Распределение представителей разных по активности групп населения по уровню образования, %

Таблица 4. Распределение ответов на вопрос «Кем Вы работаете?» в зависимости от группы по уровню активности населения, %

Вариант ответа	Инертные	Сопrotивляющиеся	Традиционалисты	Агенты социальных изменений	Общий
Не работаю, пенсионер	39	23	14	8	18
Рабочий	40	30	30	29	31
Служащий	4	8	8	8	8
Специалист	9	18	21	29	21
Предприниматель	0	3	7	4	4
Руководитель высшего и среднего звена	2	5	7	10	7
Учащийся, студент	2	10	9	11	9
Безработный, временно неработающий	5	4	5	3	4

Сфера занятости не оказывает статистически значимого влияния на активность населения. По сравнению с общей структурой занятости среди агентов перемен больше, чем среди населения в целом, доля работников сферы культуры, образования и здравоохранения (15%, среди населения только 9%), но это, скорее всего, объясняется более высоким уровнем образования у членов группы (табл. 5).

В числе агентов социальных изменений с точки зрения самоидентификации населения присутствуют представители разных социальных классов. Представителей среднего и низшего классов меньше, но разница статистически не значима (рис. 3).

При анализе уровня материального положения зафиксированы некоторые отличия, однако они несущественны: ответили, что на повседневные нужды денег хватает, но возникают проблемы с покупкой необходимой техники, 55% агентов социальных изменений, среди всего населения – только 46% (рис. 4).

Таким образом, получен социальный портрет агента социальных изменений: это, скорее всего, человек с высшим образованием в возрасте 25–34 лет, может работать в любой сфере занятости и иметь абсолютно разный материальный доход. Следовательно, можно предположить, что уровень его активности связан с установками и ценностями, что и отличает современного активиста.

Таблица 5. Распределение ответов на вопрос «В какой сфере Вы работаете?» в зависимости от группы по уровню активности населения, %

Вариант ответа	Инертные	Сопротивляющиеся	Традиционалисты	Агенты социальных изменений	Общий
Не работаю	46	32	21	19	27
Промышленное предприятие	28	24	24	27	25
Государственное и муниципальное управление	2	2	3	3	3
Торговля	9	10	13	11	12
Сфера услуг	5	10	11	10	10
Транспорт и коммунальное хозяйство	0	4	5	3	4
Культура, образование, здравоохранение	4	5	10	15	9
Финансовые, банковские структуры		2	2	4	2
Силловые структуры (армия, полиция, охрана)	2	3	1	3	2
Строительство, ремонт	5	4	6	2	5
Другое	0	4	2	5	3

Рис. 3. Распределение представителей разных по активности групп населения по социальной самоидентификации, %

Рис. 4. Распределение представителей разных по активности групп населения по уровню материального положения, %

Выводы

В статье показана значимость изучения уровня социальной активности жителей города, региона в аспекте определения потенциала развития территории за счет использования социальных ресурсов. Наиболее активные слои населения, обладающие установками и ценностными ориентирами к социальным действиям, а также имеющие опыт практик социального участия, выступают драйверами развития региона. Особенно значимы такие ресурсы для малых и средних городов России, которые сталкиваются с проблемой утечки наиболее перспективных, творческих кадров. Отдельно стоит отметить моногорода, развитие которых зависит не только от грамотной политики диверсификации экономики, но и удерживания и вовлечения в практики преобразования территории собственных социальных ресурсов. В статье рассмотрен уровень социального участия по разным формам деятельности населения города Череповца, промышленного центра Вологодской области. Одной из основополагающих целей его социально-экономического развития является уход от моноэкономической зависимости от крупного бизнеса. Городские власти ведут активную деятельность по вовлечению населения в практики соучаствующего управления, особенно в области благоустройства городской среды, с одной стороны, для активизации населения, с другой – чтобы сделать город комфортным для жизни и работы и удержать наиболее перспективное население.

В статье приведены подходы к интерпретации категории «социальное участие» и выделению этого вида участия по отношению к гражданскому и общественному. В российской и зарубежной практике на данный момент существует методологическая путаница. Достаточно непротиворечивым является подход, заключающийся в рассмотрении не видов, а форм участия. Он применяется и в рамках Европейского социального исследования, и среди российских ученых. Как правило, выделяются формальное участие, неформальное участие и помогающее поведение.

Факторы социального участия можно разделить на внутренние и внешние. Важными внутренними факторами высокой активности населения выступают внутренний локус ответственности, готовность объединяться, склонность к солидарности, высокий уровень новаторства, креативности. Внешними являются факторы активности и стимулирования управленческих структур региона и факторы макросреды: социальные, экономические, культурные. Значимое влияние на формы и уровень социального участия в последнее время оказала пандемия. С одной стороны, уровень участия снизился, с другой стороны, начали развиваться совершенно новые формы, например, социальное участие стало переходить в цифровую среду, к тому же ускорившаяся цифровизация частично способствовала его развитию.

Новый ракурс исследования заключается в применении модели стратификации населения на основании деятельностных социальных ресурсов. Установки к участию, ядро ценностных ориентиров, соответствующие компетенции, а также практики социального участия послужили основой для деления населения на гетерогенные с точки зрения активности группы. Выявлено, что ядро активистов в Череповце невелико и составляет только 2,3% от населения города, но есть достаточно активная группа периферии (16,8%). Эти жители выступают важным мобилизационным ресурсом города. Анализ социально-демографических характеристик агентов социальных изменений показал, что наиболее значимы высокий уровень образования и возраст около 30 лет, тогда как другие характеристики или зависят от них, или определяются такими факторами, как установки и ценности.

Эмпирические результаты исследования подтверждают общероссийские тенденции. Формальные практики, требующие членства в той или иной организации, распространены достаточно редко, 76% населения не входят ни в одну формальную организацию. Однако очень высока неформальная активность населения, особенно при участии в деятельности по благоустройству

территории. Нормой становится благотворительная деятельность, которая заключается как в помощи деньгами, вещами и продуктами, так и социальной помощи – уходе за социально незащищенными группами населения. Распространены практики безвозмездной помощи как наиболее близким людям: друзьям, родственникам, соседям, так и в отношении более широкого радиуса окружения.

Практическая значимость стратификации населения по критериям активности

дает прогностические возможности развития определенной территории. Выявляется потенциал региона, который может измеряться числом представителей ядра и периферии агентов социальных изменений, выступающих мобилизационным, консолидирующим ресурсом общества. Важно рассмотреть также количество и качественные характеристики наиболее инертных и сопротивляющихся слоев населения. Такие возможности тоже заложены в нашей индикаторной модели.

ЛИТЕРАТУРА

- Артамонова А.С., Уханова Ю.В. (2021). Российский опыт развития социальных практик местного сообщества (на материалах Вологодской области) // *Society and Security Insights*. Т. 4. № 3. С. 89–101. DOI: 10.14258/ssi(2021)3-06
- Богданов В.С., Мерзляков А.А. (2018). Диагностика потенциала социального участия в контексте организации обратной связи между властью и населением // *Научный результат. Социология и управление*. № 4. С. 65–77. DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-4-0-6
- Волков Ю.Г. (2014). Креативный класс и российское государство: перспективы взаимодействия // *Власть*. № 3. С. 12–17.
- Волков Ю.Г. (2013). Креативный класс как интегрирующее ядро российского общества // *Социология и политология*. № 2. С. 76–92.
- Воробьева И.Н., Мехова А.А. (2020). Локус ответственности как индикатор выявления агентов перемен // *ХСII Международные научные чтения (памяти П.П. Лазарева): сб. статей Международной научно-практической конференции*. М.: Научная артель. С. 396.
- Гужавина Т.А. (2018). Социальный капитал городского сообщества: доверие, солидарность, ответственность // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. № 4. С. 252–268. DOI: 10.15838/esc.2018.4.58.16
- Дроздова Ю.А. (2019). Ресурсный подход в исследовании территориальных общностей // *Вестник Института социологии*. Т. 10. № 1. С. 82–103. DOI: 10.19181/vis.2019.28.1.557
- Зерчанинова Т.Е., Мудрецова Н.П., Никитина А.С. (2021). Общественные организации как акторы гражданского участия молодежи в местном самоуправлении // *Власть и управление на Востоке России*. № 1 (94). С. 119–127. DOI: 10.22394/1818-4049-2021-94-1-119-127
- Инглхарт Р., Вельцель К. (2011). Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство. 464 с.
- Касаткина С.С. (2020). Новые институции современного российского города (социально-философский анализ) // *Известия Юго-Западного гос. ун-та. Сер.: Экономика. Социология. Менеджмент*. № 10 (4). С. 218–225.
- Киприянова М.А. (2016). Социальное участие горожан в обустройстве среды своего обитания // *Вестник Пермского национального исследовательского политехнического ун-та. Социально-экономические науки*. № 2. С. 58–67.
- Мартынова Т.Н., Яницкий М.С., Зеленин А.А., Пфетцер С.А. (2019). Добровольческая деятельность как форма социальной и гражданской активности студенческой молодежи // *Профессиональное образование в России и за рубежом*. 2019. № 1. С. 160–167.

- Масленникова А.Ю., Лапаев С.П. (2012). Формирование высокого уровня креативности населения как определяющего фактора инновационного развития региона // Вестник ОГУ. № 13. С. 237–243.
- Мерзляков А.А. (2014). Социальное участие как объект социологического анализа // Модернизация отечественной системы управления: анализ тенденций и прогноз развития: мат-лы Всероссийской научно-практической конференции и XII–XIII Дридзевских чтений. М.: ИС РАН. С. 321–326.
- Никовская Л.И. (2017). Гражданское участие и государство: рост запроса на публичность и диалог // Отечественные традиции государственного управления и современность: мат-лы научно-общественного Новгородского форума. М.: ГУУ. С. 33–39.
- Никовская Л.И., Скалабан И.А. (2017). Гражданское участие: особенности дискурса и тенденции реального развития // Полис. Политические исследования. № 6. С. 43–60. DOI: 10.17976/jpps/2017.06.04
- Петухов В.В., Петухов Р.В. (2021). Социально активные группы российского общества: формирование запроса на демократическое участие // Вестник Института социологии. Т. 12. № 1. С. 16–38. DOI: 10.19181/vis.2021.12.1.697
- Петухов В.В. (2014). Гражданский активизм в России: мотивация, ценности и формы участия // Власть. № 9. С. 11–19.
- Пилясов А.Н., Колесникова О.Ю. (2008). Оценка творческого потенциала российских региональных сообществ // Вопросы экономики. № 9. С. 50–69. DOI: 10.32609/0042-8736-2008-9-50-69
- Скалабан И.А. (2011). Социальное, общественное и гражданское участие: к проблеме осмысления понятий // Вестник Томского гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. № 1. С. 130–139.
- Соколов А.В., Барский Я.В. (2021). Развитие гражданской активности в России в условиях цифровой трансформации // Вестник Воронежского гос. ун-та. Сер.: История, политология, социология. № 2. С. 68–74.
- Трубицын О.К. (2019). Развитие креатосферы в информационном обществе // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. № 2 (24). С. 29–49.
- Уханова Ю.В. (2021). Коллективные практики и потенциал гражданского участия локального сообщества (социологическое исследование в российских регионах) // Проблемы развития территории. Т. 25. № 1. С. 88–107. DOI: 10.15838/ptd.2021.1.111.5
- Холмская М.Р. (1999). Политическое участие как объект исследования. Обзор отечественной литературы // Полис. № 3. С. 170–176.
- Шуклина Е.А., Певная М.В. (2020). Методологические основы междисциплинарных исследований социального участия молодежи постсоветских стран в социокультурном развитии города // Вестник Сургутского гос. пед. ун-та. № 5. С. 101–113. DOI: 10.26105/SSPU.2020.68.5.025
- Яницкий О.Н. (2015). Общественный активизм в России: вчера и сегодня // Власть. № 2. С. 53–60.
- Bartal A., Pliskin N., Ravid G. (2019). Modeling influence on posting engagement in online social networks: Beyond neighborhood effects. *Social Networks*, 59, 61–76. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.socnet.2019.05.005>
- Bekalu M.A., McCloud R.F., Minsky S., Viswanath K. (2021). Association of social participation, perception of neighborhood social cohesion, and social media use with happiness: Evidence of trade-off. *Journal of Community Psychology*, 49 (2), 432–446. DOI: 10.1002/jcop.22469
- Chanda S., Mishra R. (2019). Impact of transition in work status and social participation on cognitive performance among elderly in India. *BMC Geriatrics*, 19, 1, 251. DOI: 10.1186/s12877-019-1261-5
- Delhey J., Kenneth N. (2005). Predicting cross-national levels of social trust: Global pattern or nordic exceptionalism? *European Sociological Review*, 21 (4), 311–327.
- Dezuanni M., Foth M. (2019). *Digital Participation through Social Living Labs*. Valuing Local Knowledge, Enhancing Engagement.
- Fagence M. (1977). *Citizen Participation in Planning*. Pergamon Press.

- Kenneth N., Heiko G. (2008). *Patterns of Participation: Political and Social Participation in 22 Nations*. Discussion Paper.
- Levasseur M., Naud D., Bruneau J.F., Genereux M. (2020). Environmental characteristics associated with older adults' social participation: The contribution of sociodemography and transportation in metropolitan, urban, and rural areas. *Public Health*, 17, 83–99.
- Morales L. (2008). *Joining Political Organizations: Institutions, Mobilization and Political Participation in Western Democracies*. Colchester: ECPR Press.
- Putnam R. (1995). Bowling alone: America's Declining Social Capital. *The Journal of Democracy*, 6, 1, 65–78.
- Rosenstone H., Steven J., Hansen J. (1993). *Mobilization, Participation and Democracy in America*. New York: Macmillan, 333.
- Schlozman K. (2002). Citizen participation in America: What do we know? Why do we care? *Political Science: The State of the Discipline*, 433–461.
- Van Deth. J., Elff M. (2004). Politicisation, economic development and political interest in Europe. *European Journal of Political Research*, 43 (3), 475–506.
- Verba S., Nie N., Kim J. (1978). *Participation and Political Equality: A Seven Nation Comparison*. Chicago: University of Chicago Press.
- Vogelsang E.M. (2016). Older adult social participation and its relationship with health: Rural-urban differences. *Health Place*, 42, 111–119.
- Wolfe A. (1989). *Whose Keeper? Social Science and Moral Obligation*. Berkeley, CA: University of California Press.
- Yang L., Cheng J., Wang H. (2021). Place of residence and cognitive function in older adults in China: The mediating role of social participation. *Public Health*, 19, 13. Available at: <https://doi.org/10.3390/ijerph19010013>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ирина Николаевна Воробьева – кандидат социологических наук, доцент, Череповецкий государственный университет (Российская Федерация, 162600, г. Череповец, Советский пр-т, д. 8; e-mail: vorobyova-i-n@yandex.ru)

Vorob'eva I.N.

SOCIAL PARTICIPATION: NEW PERSPECTIVE OF MEASUREMENT

The relevance of the research is determined by the importance of studying the level of social participation and measuring the number of the most active population segments, which are an important activity resource for the territory's development. The article conceptualizes the category of "agents of social change". The main purpose of the study is to identify this social group among the entire population of the city of Cherepovets, an industrial center of the Vologda Oblast, which is outpacing socio-economic development, seeking to diversify the economy and is in dire need of representatives of this group. We focused on the practices of social participation as one of the fundamental characteristics of the agents of social change, considered the approaches to the understanding and measurement of this category by foreign and Russian authors, the allocation of social participation among other types of participation. In addition, we named internal and external factors influencing social participation. The article summarizes the results of the study on the level and forms of social participation according to the European Social Survey and Russian studies. The novelty of the work lies in the application of the model

of stratification of society according to the criteria of attitudes and the level of development of social participation practices, as well as in the identification of the social portrait characteristics of the agents of social change. The empirical part of the article contains the results of measuring the social participation practices of Cherepovets inhabitants. We interviewed 600 city residents over the age of 18, which provided the empirical basis for the study. The representativeness of the sample was ensured by quoting by sex and age in accordance with the existing structure of the city. We have identified a low level of formal participation of the population in non-governmental organizations with sufficiently developed practices of informal participation and widely used forms of informal gratuitous assistance in various areas. The article provides a social portrait of the agents of social change according to the main socio-demographic characteristics.

Social participation, agents of social change, informal participation, helping behavior, territory of advanced socio-economic development.

REFERENCES

- Artamonova A.S., Ukhanova Yu.V. (2021). Russian experience of social practices development in the local community (case study of the Vologda Oblast). *Society and Security Insights*, 4(3), 89–101. DOI: 10.14258/ssi(2021)3-06 (in Russian).
- Bogdanov V.S., Merzlyakov A.A. (2018). Diagnostics of the potential of social participation in the context of organizing feedback between authorities and population. *Nauchnyi rezul'tat. Sotsiologiya i upravlenie=Research Result. Sociology and Management*, 4, 65–77. DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-4-0-6 (in Russian).
- Volkov Yu.G. (2014). Creative class and the Russian state: Prospects of cooperation. *Vlast'=The Authority*, 3, 12–17 (in Russian).
- Volkov Yu.G. (2013). The creative class as the integrating core of the Russian society. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya=Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*, 2, 76–92 (in Russian).
- Vorob'eva I.N., Mekhova A.A. (2020). Locus of responsibility as an indicator for identifying agents of change. In: *XCII Mezhdunarodnye nauchnye chteniya (pamyati P.P. Lazareva): sb. statei Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [XCII International Scientific Readings (in Memory of P.P. Lazarev): Collection of Articles of the International Scientific-Practical Conference.]. Moscow: Nauchnaya artel'.
- Guzhavina T.A. (2018). Social capital of the urban community: Trust, solidarity, responsibility. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 4, 252–268. DOI: 10.15838/esc.2018.4.58.16 (in Russian).
- Drozdova Yu.A. (2019). A resource approach towards examining territorial communities. *Vestnik Instituta sotsiologii=Bulletin of the Institute of Sociology*, 10(1), 82–103. DOI: 10.19181/vis.2019.28.1.557 (in Russian).
- Zerchaninova T.E., Mudretsova N.P., Nikitina A.S. (2021). Public organizations as factors of the youth civic participation in the local self-government. *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii=Power and Administration in the East of Russia*, 1(94), 119–127. DOI: 10.22394/1818-4049-2021-94-1-119-127 (in Russian).
- Inglehart R., Welzel C. (2011). *Modernizatsiya, kul'turnye izmeneniya i demokratiya: Posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitiya* [Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence]. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
- Kasatkina S.S. (2020). New institutions of the modern Russian city (socio-philosophical analysis). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gos. un-ta. Ser.: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment=Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*, 10(4), 218–225 (in Russian).
- Kipriyanova M.A. (2016). Social participation of urban dwellers in space planning. *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo un-ta. Sotsial'no-ekonomicheskie nauki=PNRPU Sociology and Economics Bulletin*, 2, 58–67 (in Russian).

- Martynova T.N., Yanitskii M.S., Zelenin A.A., Pfttser S.A. (2019). Voluntary activity as a form of social and civil activity of student youth. *Professional'noe obrazovanie v Rossii i za rubezhom=Professional Education in Russia and Abroad*, 1(33), 160–167 (in Russian).
- Maslennikova A.Yu., Lapaev S.P. (2012). A high level of creativity as a determinant of innovation development of the region. *Vestnik OGU=Vestnik of the Orenburg State University*, 13, 237–243 (in Russian).
- Merzlyakov A.A. (2014). Social participation as an object of sociological analysis. In: *Modernizatsiya otechestvennoi sistemy upravleniya: Analiz tendentsii i prognoz razvitiya: Mat-ly Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii i XII–XIII Dridzevskikh chtenii* [Modernization of the Russian Management System: Analysis of Trends and Forecasts of Development: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference and XII-XIII Dridzevsky Readings]. Moscow: ISRAS.
- Nikovskaya L.I. (2017). Civic participation and the state: the growth of a request for publicity and dialogue. In: *Otechestvennye traditsii gosudarstvennogo upravleniya i sovremennost': Mat-ly nauchno-obshchestvennogo Novgorodskogo foruma* [National Traditions of Public Administration and Modernity: Proceedings of the Scientific and Public Novgorod Forum]. Moscow: SUM.
- Nikovskaya L.I., Skalaban I.A. (2017). Civic participation: Features of discourse and actual trends of development. *Polis. Politicheskie issledovaniya=Polis. Political Studies*, 6, 43–60. DOI: 10.17976/jpps/2017.06.04 (in Russian).
- Petukhov V.V., Petukhov R.V. (2021). Socially active groups of Russian society: forming a demand for democratic participation. *Vestnik Instituta sotsiologii=Bulletin of the Institute of Sociology*, 12(1), 16–38. DOI: 10.19181/vis.2021.12.1.697 (in Russian).
- Petukhov V.V. (2014). Civic activism in Russia: Motivation, values and forms of participation. *Vlast'=The Authority*, 9, 11–19 (in Russian).
- Pilyasov A.N., Kolesnikova O.Yu. (2008). Evaluation of creativity of the Russian regional communities. *Voprosy Ekonomiki*, 9, 50–69. DOI: 10.32609/0042-8736-2008-9-50-69 (in Russian).
- Skalaban I.A. (2011). Social, public and civil participation: The problem of conceptual understanding and misunderstanding. *Vestnik Tomskogo gos. un-ta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya=Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 1, 130–139 (in Russian).
- Sokolov A.V., Barskii Ya.V. (2021). Development of civil engagement in Russia in the conditions of digital transformation. *Vestnik Voronezhskogo gos. un-ta. Ser.: Istoriya, politologiya, sotsiologiya=Proceedings of Voronezh State University. Series: History. Political science. Sociology*, 2, 68–74 (in Russian).
- Trubitsyn O.K. (2019). Creatosphere development in information society. *Filosofiya i gumanitarnye nauki v informatsionnom obshchestve=Philosophy and Humanities in Information Society*, 2(24), 29–49 (in Russian).
- Ukhanova Yu.V. (2021). Collective practices and potential for civic participation of local community (sociological research in Russian regions). *Problemy razvitiya territorii=Problems of Territory's Development*, 25(1), 88–107. DOI: 10.15838/ptd.2021.1.111.5 (in Russian).
- Kholmskaya M.R. (1999). Political participation as the subject of research (a review of Russian scientific literature). *Polis=Polis. Political Studies*, 3, 170–176 (in Russian).
- Shuklina E.A., Pevnaya M.V. (2020). Methodological basis of interdisciplinary studies for social participation of youth in post-soviet countries in the socio-cultural development of the city. *Vestnik Surgutskogo gos. ped. un-ta=Bulletin of the Surgut State Pedagogical University*, 5, 101–113. DOI: 10.26105/SSPU.2020.68.5.025 (in Russian).
- Yanitskii O.N. (2015). Public activism in Russia: Today and yesterday. *Vlast'=The Authority*, 2, 53–60 (in Russian).
- Bartal A., Pliskin N., Ravid G. (2019). Modeling influence on posting engagement in online social networks: Beyond neighborhood effects. *Social Networks*, 59, 61–76. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.socnet.2019.05.005>

- Bekalu M.A., McCloud R.F., Minsky S., Viswanath K. (2021). Association of social participation, perception of neighborhood social cohesion, and social media use with happiness: Evidence of trade-off. *Journal of Community Psychology*, 49(2), 432–446. DOI: 10.1002/jcop.22469
- Chanda S., Mishra R. (2019). Impact of transition in work status and social participation on cognitive performance among elderly in India. *BMC Geriatrics*, 19, 1, 251. DOI: 10.1186/s12877-019-1261-5
- Delhey. J., Kenneth N. (2005). Predicting cross-national levels of social trust: Global pattern or Nordic exceptionalism? *European Sociological Review*, 21(4), 311–327.
- Dezuanni M., Foth M. (2019). *Digital Participation through Social Living Labs*. Valuing Local Knowledge, Enhancing Engagement.
- Fagence M. (1977). *Citizen Participation in Planning*. Pergamon Press.
- Kenneth N., Heiko G. (2008). *Patterns of Participation: Political and Social Participation in 22 Nations*. Discussion Paper.
- Levasseur M., Naud D., Bruneau J.F., Genereux M. (2020). Environmental characteristics associated with older adults' social participation: The contribution of sociodemography and transportation in metropolitan, urban, and rural areas. *Public Health*, 17, 83–99.
- Morales L. (2008). *Joining Political Organizations: Institutions, Mobilization and Political Participation in Western Democracies*. Colchester: ECPR Press.
- Putnam R. (1995). Bowling alone: America's Declining Social Capital. *The Journal of Democracy*, 6, 1, 65–78.
- Rosenstone H., Steven J., Hansen J. (1993). *Mobilization, Participation and Democracy in America*. New York: Macmillan.
- Schlozman K. (2002). Citizen participation in America: What do we know? Why do we care? *Political Science: The State of the Discipline*, 433–461.
- Van Deth. J., Elff M. (2004). Politicisation, economic development and political interest in Europe. *European Journal of Political Research*, 43(3), 475–506.
- Verba S., Nie N., Kim J. (1978). *Participation and Political Equality: A Seven Nation Comparison*. Chicago: University of Chicago Press.
- Vogelsang E.M. (2016). Older adult social participation and its relationship with health: Rural-urban differences. *Health Place*, 42, 111–119.
- Wolfe A. (1989). *Whose Keeper? Social Science and Moral Obligation*. Berkeley, CA: University of California Press.
- Yang L., Cheng J., Wang H. (2021). Place of residence and cognitive function in older adults in China: The mediating role of social participation. *Public Health*, 19, 13. Available at: <https://doi.org/10.3390/ijerph19010013>

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Irina N. Vorob'eva – Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor, Cherepovets State University (8, Sovetsky Avenue, Cherepovets, 162600, Russian Federation; e-mail: vorobyova-i-n@yandex.ru)